

РЕЦЕНЗІЇ ТА ОГЛЯДИ

Александр МУСИН

СЕРЬЕЗНАЯ ЗАЯВКА ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ НОВЕЙШЕЙ КИЕВСКОЙ ШКОЛЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Вілкул Т. Літопис і хронограф. Студії з домонгольського київського літописання / Відп. ред. В. В. Німчук. НАН України. Інститут історії України. – Київ: Інститут історії України, 2015. – 518 с.

Новая книга Тетяны Вилкул о летописях и хрониках – еще одна попытка, и весьма убедительная, в построении истории того, как в Восточной Европе слагалась историческая память. Однако это еще и своего рода “рассуждения о методе” изучения летописей, не столько позитивистские, сколько культурно-антропологические. Здесь на первый план выходит не текст и факт, а нарратив и слово, не абстрактный “летописец Нестор”, а конкретный человек Средневековья с присущим ему багажом сведений о себе и мире, но самое главное – со свойственными ему навыками использовать эти сведения для рассказа о прошлом.

Характеризуя новую публикацию, можно было бы вслед за автором просто принять, что “ця книжка фокусує увагу на перетині літописарської та хронографічної діяльності давньоруських книжників” (с. 60). Однако в действительности речь идет о выявлении хронологических и смысловых индикаторов летописи, согласно автору, – “контрольных текстах”, роль которых играют цитаты, заимствования, микрозаимствования из хроник и хронографов, введенные в летописную ткань. Они помогают уточнить историю сложения домонгольских летописных сводов, поскольку могут указывать на время, регион и характер происхождения летописного пассажа, тогда как нюансы различений позволяют определить источники заимствований (с. 12).

Впрочем, появившийся труд затрагивает более фундаментальную и потому более чувствительную тему: насколько надежны существующие в науке догадки о “гипотетических” летописных сводах, предшествующих Повести временных лет и Новгородской первой летописи (далее – ПВЛ и НПЛ), и которая из них претендует на бóльшую древность. Автор описывает эту проблему следующим образом: “суперечки ідуть з приводу того, чи потрібно зупинитися в гіпотезуванні й зосередитись на надійно відновлюваних пам'ятках” (с. 6), или же имеющиеся летописные своды могут послужить основой для реконструкции более ранних, но весьма спорных текстов летописного характера.

Автор далек как от “иконного” почитания летописных текстов, так и от иконоборческих намерений в отношении их именитых толкователей, прежде всего А. А. Шахматова, “своєрідна канонізація” которого “в якості “ученого взірця” ей не близка (с. 99). В книге, скорее, демонстрируется несогласие с “иконическим” подходом к летописи, основанным на эволюционизме и позитивизме. Эти две особенности академической науки XIX–XX вв. присущи “школе Шахматова”, которая “дерзко умножает” летописные сущности, придавая им определенный хронологический порядок. В данном случае вряд ли справедливо примиряющее положение А. В. Поптэ о том, что речь не идет о прениях “за и против замысла Шахматова, основное расхождение находится в пределах, намеченных самим Академиком”, а именно: “достаточно ли будет представленных данных, отводящих эту гипотезу, или новые аргументы укрепят ее под видом положения-тезиса”¹. Новые аргументы естественно выводят спор на качественно новый уровень.

Автор далеко не первая ставит под сомнение действительность используемых А. А. Шахматовым методов². В литературе уже писалось о присущих ученому “вульгарном социологизме” и “культе фактов”, его метод характеризовался как “конъектуральная критика”, неоправданно модернизирующая труд летописца³. Отмечалось, впрочем, что неприятию его идей много способствовала “чопорность и начетничество” сторонников академика в трактовке его гипотез, тогда как сами критики были “не всегда компетентными”⁴. Отмечалось и то, что А. А. Шахматов, прекрасно понимая характер конкретного летописного текста, никогда не анализировал его в литературной целостности⁵.

Это не единственная область приложения сил Шахматова, где полученный результат вызвал несогласие коллег. Так, его видение истории развития восточнославянских языков предполагало иерархическое членение исходного общерусского праязыка при наличии диалектов и наречий с четко

¹ Поптэ А. В. Шахматов А. А. и спорные начала русского летописания // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – Москва, 2008. – № 3(33). – С. 76–85 (здесь с. 77).

² Полемику см., в частности, в: Истрин В. М. Исследования в области древнерусской литературы. – Санкт-Петербург, 1906; Его же. Замечания о начале русского летописания: по поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи // Известия отделения русского языка и словесности Российской академии наук за 1921 г. – Петроград, 1923. – Т. 25. – С. 45–102; Brückner A. Rozdział z “Nestora” // Записки Наукового товариства імені Шевченка. – Львів, 1925. – Т. 141–143. – С. 1–15; Бугославский С. А. “Повесть временных лет” (списки, редакции, первоначальный текст) // Старинная русская повесть: статьи и исследования. Гудзий Н. К. (ред.). – Москва; Ленинград,

1941. – С. 9; Пашуто В. Т. А. А. Шахматов – буржуазный источниковед // Вопросы истории. – Москва, 1952. – № 2. – С. 47–53. Ср.: Лурье Я. С. О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1975. Н. И. Павленко (гл. ред.). – Москва, 1976. – С. 87–107.

³ Буланин Д. М. Текстология древнерусской литературы: ретроспективные заметки по методологии // Русская литература. – Москва, 2014. – № 1. – С. 18–51 (здесь с. 24).

⁴ Поптэ А. В. А. А. Шахматов... – С. 76. Ср.: Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. – Москва, 1977.

⁵ Сендерович С. Я. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. – Москва, 2000. – Т. 1: Древняя Русь. – С. 461–499 (здесь с. 472).

определимыми границами. И здесь, как и в исследовании летописей, его концепция на продолжительное время определила направление поисков в этой области. Однако, принято считать, что границы диалектных единиц восточнославянского языка не могут быть привязаны к границам политических образований, поскольку племена изначально обладали собственными диалектами как особыми языковыми системами, находившимися во взаимодействии друг с другом, и соответствующие им изоглоссы очерчивают территории, не совпадающие с племенными образованиями. Лингвисты отмечали, что в своих лингвистических построениях академик опирался на общеисторические соображения и исходил не из конкретного лингвистического материала. В целом, как писал Ф. П. Филин, для исследовательского метода А. А. Шахматова было характерно следующее: сначала вырабатывалась общая схема-“модель”, для которой затем отыскивались необходимые факты. Так гипотеза превращалась в отправной пункт новых предположений, а недостаток сведений щедро восполнялся творческой фантазией⁶.

Не будет натяжкой утверждать, что летописная концепция академика, как и его лингвистические построения, исходили из определенным образом сложившегося (не скажем, предвзятого) видения общего прошлого и будущего восточного славянства, исторических и политических взглядов исследователя. Отсюда и его резкий выпад по поводу “предательства украинцев”⁷, как он в 1917 г. назвал выбор украинским народом своей истории, несмотря на достаточно либеральные общественно-политические взгляды и симпатию к украинским (“малорусским” в его понимании) культуре и языку. Представления академика о “русском племени во всей его совокупности”, единстве всех ветвей “русского народа” представлялись не только его политическим, но и научным убеждением. А. А. Шахматов был цельной натурой, и все это не могло не сказаться на его видении истории древнерусского летописания. Я далек от того, чтобы вульгарно проецировать общественное на академическое (хотя считается, что “вульгарный социализм” был не чужд и самому академику), но представления об иерархии, централизации и единстве летописных сводов не могут не быть поставлены в сравнение с его общественными взглядами.

Основой летописеведческого метода академика являлась текстология, к которой и сводился источниковедческий анализ. Известно, однако, что некоторые из положений текстологии исполнены внутренних противоречий. Критика этого метода, согласно И. Н. Данилевскому, до сих пор не могла быть удовлетворительной, поскольку “правильное” прочтение самого источника и установление его “общей тенденции” либо сводилось к результатам формально-текстологического сопоставления, либо предшествовало собственно научному изучению текста. По его мнению, только двойное – “систематическое” и “несистематическое”, “извне” (текстологическое) и “изнутри” (генетическое) – прочтение древнерусских источников позволяет ближе подойти к

⁶ Филин Ф. П. Происхождение русско-го, украинского и белорусского языков: историко-диалектический очерк. – Ленинград, 1972. – С. 35, 37 (и др.).

⁷ Робинсон М. А. М. С. Грушевский и русская академическая элита // <http://aej.org.ua/history/1457.html> (консультация: 27.05.2015).

пониманию древних текстов. Такой новый подход, в сочетании с критическим отношением к методологическому наследию, дает возможность совершить прорыв в изучении истории летописания – впервые после А. А. Шахматова⁸. Знакомство с новой книгой Т. Л. Вилкул закономерно оставляет у читателя ощущение, что мы присутствуем как раз при таком прорыве.

Кроме самого шахматовского метода, содержание книги естественным образом касается вопроса о временном первенстве начальных русских летописей. Если сам А. А. Шахматов считал, что в НПЛ отразился гипотетический Начальный свод 1090-х годов, то “у другому “таборі” літописознавців обстоюється думка, що НПЛмл є пізньосередньовічною (XIV чи XV ст.) переробкою ПВЛ (с. 7)”. С точки зрения сторонников последнего подхода, к которому принадлежит и автор, главная научная опасность состоит в том, что “пізні трансформації тексту літопису починають в уяві дослідника відігравати роль “давніх”, це неunikнено викривлює і текстуальну й історичну картину”⁹.

Однако где критерий различий между древними и поздними трансформациями? Этому и посвящена книга, основное содержание которой – не постановка вопросов и полемический задор, а скрупулезный анализ конкретных текстов, призванный объяснить, как и когда описание всемирной истории в форме заимствования хронографической информации в летописное полотно повлияло на изложение истории отечественной. Такой подход применяется, по сути дела, впервые, поскольку исследователи проводили достаточно четкую границу в своих трудах: летописи, признававшиеся оригинальными трудами, привлекали основное исследовательское внимание, тогда как хронографы третировались как переводные и вторичные. При этом автор четко осознает специфику обращения к хронографическому материалу, не всегда позволяющую исследователю определить, пользовался ли древний сводчик полным переводом известной хроники или компилятивным хронографом. Только внимательное изучение хронографических текстов может ответить на целый ряд непростых вопросов древнерусского летописания.

Обратимся к содержанию книги. Глава I посвящена исследовательскому инструментарию, историографии и источникам исследования. Она раскрывает нам двери в “лабораторию историка текста”. Автор отказывается противопоставлять “отечественную текстологию” и “западную текстуальную критику” – мнение, восходящее к другому академику, Д. С. Лихачеву (I.1, с. 19–36), пытаюсь, наоборот, сочетать их возможности. Это важное методологическое достижение, ибо из такого противопоставления родилось пресловутое “комплексное источниковедение”, которое зачастую подменяет параллельный анализ различных источников и сопоставление его результатов смещением древностей уже на уровне их исследования.

⁸ Данилевский И. Н. Текстология и генетическая критика в изучении летописных текстов // Герменевтика древнерусской литературы. – Москва, 2005. – Сб. 12. – С. 368–407.

⁹ Для современной киевской исторической школы Древней Руси вообще

характерно критическое отношение к содержанию новгородских рукописей, созданных в XV в. См., в частности: Толочко А. П. Краткая редакция Правды русской: происхождение текста (Ruthenica. – Suppl. 2). – Киев, 2009.

Автор ориентируется в своей работе на “выделение слоев”, с помощью которых можно проследить “процес трансмісії (передачі) тексту від давніх часів і до часу дослідження”, используя методы текстуальной критики, и лишь в небольшой степени – “литературной критики” (анализ дополнений, дублей, текстуальных швов). Здесь предпочтение отдается термину “свидетель” текста перед “рукопись” как “однозначному и формализованному”. В этом – еще одно указание на антропологичность авторского подхода, где роль текста-“свидетеля” уравнивается с миссией историка – “ιστορᾶ” как “свидетельствующего” (ср. с. 35). Преимущества такого подхода, восстанавливающего работу автора по конструированию итогового текста, мы еще не раз встретим на страницах книги.

Введение в историографию исследования (I.2) рассказывает историю “узнавания” византийских хронографов в древнерусском летописании. Значительное место уделено возникновению теории Начального свода и его связи с Хронографом (I.2.a, с. 38–47). Здесь же дается четкое изложение концепции А. А. Шахматова, виртуализирующее его историко-текстологические представления. Известно, что академику было присуще убеждение о различных хронографических источниках ПВЛ (полный перевод Хроники Амартола) и Начального свода или “Софийского временника” (Хронограф особого состава). Свою роль в книге играет характеристика изучения палеи и хронографов (I.2.b, с. 47–59), которые традиционно рассматривались через призму летописания. Приоритетное внимание уделяется полемике А. А. Шахматова и В. М. Истрина, хотя для обоих авторов были одинаково характерны “централизаторские тенденции” во взгляде на древнерусское летописание. Автор отмечает не только критику В. М. Истриным “умножения летописных сущностей” А. А. Шахматовым, “силой разума” “без детального изучения” (с. 51, 53), но и влияние последнего на построения В. Истрина, признававшего гипотетическое использование хронографа в древнейшей версии летописи, – ему традиция, в конце концов, и приписала идею о существовании “Хронографа по великому изложению” (ХВИ). Обе эти хронографические гипотезы были позднее объединены О. В. Твороговым в единую схему.

Отметим важный момент авторских наблюдений. Здесь подчеркивается тот неоспоримый факт, что все основные идеи о влиянии хронографической письменности на летописи были высказаны задолго до научной публикации Хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы, детальный анализ которых оказывается единственно возможной основой для любых выводов. Отмечается и то, что в области древнерусской текстологии сформировался феномен, который стоило бы назвать “историографической инерцией”, когда исследовательские мнения принимаются как установленные факты.

Далее исследовательница переходит к обзору летописных и хронографических источников (I.3, с. 60–99). Как набор летописных сводов, так и их характеристика в книге в целом хрестоматийны. Материалы Лаврентьевского свода привлекаются в сравнении с Киевским, хронографические компоненты которого до сих пор были недостаточно изучены. Затрагивается проблема изучения параллельных мест и летописных заимствований из хронографической письменности, причем отмечается, что немалое

количество небольших по объему включений ускользали от внимания исследователей. Автором подчеркивается, что в гипотетической ретроспекции влияния хронографической письменности на летописи исследователи до сих пор ограничивали себя одним “свидетелем” текста – общими фрагментами ПВЛ и НПЛмл (с. 64). Привлечение хронографической письменности вовлекает в исследование необходимого “второго свидетеля”.

Далее автор переходит к характеристике древнерусских переводов сочинений по всемирной истории (Хроники Амартола и Малалы, Александрия Хронографическая псевдо-Каллисфена с дополнениями другими источниками, в частности, из сочинения псевдо-Палладия “О рахманех”, Восьмикнижие в его четврым, служебном и толковом видах, Комментарии Никиты Ираклийского), затрагивая вопросы времени и места появления их славянских переводов и историю рукописной традиции. Хронографические источники подразделяются на две группы – отдельные хроники и сочинения в составе компиляций, а также сами компиляции. В исследовании включены Иудейский хронограф (1262 г.), не принадлежащий к “семье Хронографа по великому изложению” (далее – ХВИ), связанный с ним Софийский хронограф (в списке XVI в.), Троицкий хронограф (XIV в.?) в трех списках, Полная и краткая хронографическая паляя, Летописец Еллинский и Римский 1-й и 2-й редакции (с. 86–99).

Вторая глава посвящена ПВЛ и ее хронографическим составляющим. Т. Л. Вилкул не просто подчеркивает, что не придерживается гипотезы о существовании Начального свода, но предлагает “протестувати її за всіма основними пунктами”, установить природу заимствованных в летописи фрагментов и ответить на вопрос, взяты они из полных переводов хроник или из хронографов. Важным критерием в решении этой задачи служит не только текстология, но и идейная зависимость летописцев от сочинений по всемирной истории, однако основой исследования, все же, является текстологическое сравнение заимствованных в летописании фрагментов.

Автор начинает анализ с изучения цитат из Хроники Амартола в общих фрагментах ПВЛ и НПЛ (II.1.1, с. 102–112). Основное внимание здесь уделено летописной статье 6573/1065 г. о чудесах, где допускается возможное влияние летописи на хронограф, а не наоборот. Делается вывод, что хронографические тексты не подтверждают гипотезу о цитировании в этой статье Хроники Амартола в “версии ХВИ”.

Далее следует анализ заимствований из полного перевода Хроники Амартола в общих текстах ПВЛ и НПЛмл (II.1.2, с. 112–125), который выявил ранее не замеченные “микрозаимствования”, не имеющие параллелей в ХВИ и восходящие, поэтому, к полному переводу Хроники. Речь идет, в частности, о рассказе о женолюбии князя Владимира и его сравнении с царем Соломоном (980 г., с. 113–114) и “Речи Философа”, где библейский Ваал сравнивается с Ареем (986 г.), что А. А. Шахматов ошибочно считал заимствованием из хронографа. Менее надежно отождествления цитат из библейских пророков, поскольку их переводы крайне разновременны. Отмечается, что выражение Хроники Амартола “приятя власть” еще до текста статьи 1097 г. превращается в особую формулу ПВЛ, что противоречит утверждению о составлении

Начального свода до 1095 г. (с. 116–117). Хотя и не все примеры позволяют однозначную атрибуцию (например, статьи 945, 971, 972, 1068, 1074 гг.), наличие заимствований из полного перевода Хроники в тексте НПЛ не позволяет, согласно автору, считать ее “простой компиляцией” и отдавать ей хронологическое первенство (с. 124–125). Проведенная верификация шахматовских гипотез показала гораздо более сложный состав НПЛмл: здесь можно обнаружить не только влияние поздних версий ХВИ и полного перевода Хроник Амартола и Малалы, но и заимствования из самой ПВЛ, тогда как в ПВЛ использовался только полный текст Хроники.

Автором выявлены дополнительные фрагменты полного перевода Хроники Амартола в ПВЛ (II.1.3, с. 125–139), помимо тех 25-ти, что были отмечены еще А. А. Шахматовым. Речь идет о летописных статьях 6360, 6390, 6415, 6452, 6463, 6472, 6488, 6494, 6496, 6500, 6527 гг. Всего таких заимствований можно насчитать 48 (с. 137–139). Они встречаются в недатированном начале летописи, восполняют скудость местных известий и украшают важнейшие моменты древнерусской истории.

Отдельное внимание уделено хронографическим цитатам в статьях 1110-х годов Ипатьевской редакции ПВЛ (II.2.1, с. 139–142). В статье 1111 г. читается Хроника Амартола, а отнюдь не хронограф, тогда как статья 1065 г., сохраненная в версиях Лаврентьевской и Ипатьевской редакций ПВЛ и НПЛмл, обнаруживает тесную связь со статьей 1114 г. ПВЛ Ипатьевской редакции, что, скорее всего, свидетельствует против гипотезы о трех последовательных редакциях ПВЛ. Соответственно, все летописные статьи, по крайней мере, по 1114 г. включительно могли входить в исходную версию Повести.

Обращаясь к теме хронографических влияний на разные части Начальной летописи (II.2.2, с. 142–149), автор отмечает параллелизм заимствований из Хроник Малалы и Амартола, а также присутствие здесь редких парабиблейских сюжетов из Книги Юбилеев. Тематическое единство и текстологическая связь между введением ПВЛ и завершающими статьями ее Ипатьевской редакции заставляют предполагать, что все включения в ПВЛ из хронографических текстов принадлежат руке одного автора.

Анализ заимствования Хроники Иоанна Малалы во введении ПВЛ связан с решением вопроса, был ли здесь использован текст хронографической версии или полный перевод (II.3.1, с. 149–159). Пересмотр цитат позволяет заключить, что обширные отрывки из введения ПВЛ и статьи 1114 г. не соответствуют версии ХВИ ни текстуально, ни композиционно, и восходят к полному переводу. Совместное использование во введении Хроник Амартола и Малалы представляет собой их вдумчивое компилирование без дублирования. Подчеркивается, что Толковая палея оказывается более поздним, чем ПВЛ, зависимым от летописи памятником и не может служить для определения летописных источников (с. 158). Важен вывод о том, что ПВЛ в сюжете расселения сыновей Ноя не использует, как полагал А. А. Шахматов, хронограф в соединении с “добавками” из Хроники Амартола, поскольку подобная композиция в хронографах не прослежена.

Дополнительно на использование полного перевода Хроники Иоанна Малалы в ПВЛ указывают микрозаимствования из этого произведения

(II.3.2, с. 159–165), а также достаточно убедительные сюжетные аналогии, числом не менее 17, которые введены летописцем в текст “за пригадуваньям” (с. 164). Автор летописи сам пересказывал источник, а не пользовался компилятивным хронографом, тогда как меньшее количество объемных цитат из Малалы, чем из Амартола (2 против 10) должно объясняться различным хронологическим диапазоном этих хроник.

Еще один вероятный источник летописи – Александрия Хронографическая (II.3.3, с. 165–169), откуда может происходить 6 микроцитат. Серьезно это произведение ощущается лишь в Киевском своде, автор которого вновь воспроизводил его содержание по памяти, наполняя им княжеские речи, которые не могут быть расценены как использование средневековых архивов. Всего же знакомство автора летописи с Хроникой Малалы, Александрии и Книгой Юбилеев – “Дробным Бытием” во введении прослеживается 11 раз, в известиях X в. – 13 раз, и в статьях XI в. – 11 раз.

Раздел II.4 посвящен присутствующим в ПВЛ ссылкам на византийские источники, упоминающим “летописание Георгия”, “летописание греческое” и “хронограф”, которых нет в НПЛ. Однако летописные обозначения не могут рассматриваться как строго научные термины, четко разграничивающие хронограф и “авторскую хронику”. Например, упоминание хронографа под 1114 г. в Ипатьевской летописи определенно указывает на использование летописцем Хроники Иоанна Малалы (с. 170–173). Напомним, что это не единичный случай такой “подмены” в древнерусской литературе: автор Галицко-Волынской летописи сопровождает цитирование Александрии ремаркой: “якоже Писание глаголет”.

Ремесло историка в ПВЛ характеризуется автором через анализ влияния всемирной истории на летопись (II.5, с. 173–179). Отмечается “методологическая” близость летописца на начальных этапах работы к производству Малалы, который также информирует читателя о своих хронологических выкладках и достоверности источников. Отсюда же заимствованы и определенные идеологические установки и этногеографические знания. В последующей древнерусской историографии можно заметить исчезновение интереса к “методологии” и внимание к “фактологии”.

Задаваясь вопросом об источниках первых статей ПВЛ и НПЛмл, автор обращается к роли ХВИ в новгородской летописи (II.6). Здесь анализируются пять годовых статей: 6362/854 г. из НПЛмл и 6360/852 г. из ПВЛ, а также сообщения о походах руси на Царьград: 6362/854 и 6428/920 гг. в НПЛ, а в ПВЛ под 6374/866 и 6449/941 гг. В вопросе происхождения дат 6362 и 6360 гг. как начала истории “Русьской земли” (II.6.1, с. 181–192) отмечается, что 6428/920 г. в НПЛмл взят не из “Летописца” патриарха Никифора, а именно из Хроники Амартола. В этой связи начальную дату НПЛмл 6362 г. стоит выводить из 6363 г. – крещения Болгарской земли на “2-е лето” царствования императора Михаила III, которая не присуща хронографам, а лишь двум хронографическим палеям первой половины XV в., куда эта дата могла попасть из Сказания о письменах Черноризца Храбра. В целом в НПЛ мы имеем дело со сконструированной хронологией, приблизительно посаженной на каркас из круглых дат по схеме “X-5508”.

В сообщениях о походе князя Игоря 6428 г. (II.6.2, с. 192–213) НПЛмл структурно отображает ХВИ, тогда как статья ПВЛ 6449 г. не зависит от Начального свода, а представляет собой переложение тяжеловесных известий Хроники Амартола. Специфику же НПЛ стоит объяснить контаминацией известий ХВИ под 6428/920 г. и ПВЛ под 6415/907 г., что должно свидетельствовать о вторичности новгородской летописи и ее позднем происхождении. Очевидно, летописец “выравнивал” запутанные схемы взаимоотношений древнерусских правителей и главным князем посчитал Игоря, сына Рюрика, что и заставило изобразить Олега не князем, а лишь “воеводой” (с. 207). В то же время приписки Троицкого хронографа, где Олег представлен самостоятельным князем (II.6.3, с. 213–216), оказываются ближе к ПВЛ, чем к НПЛмл. Возможно, в данном случае системный лингвистический анализ использованных летописцем глагольных форм (отметим, что автор приводит некоторые примеры употребления вторичного двойственного числа) мог бы выступить арбитром правоты сделанных наблюдений.

При описании похода Аскольда и Дира в статьях 6362 и 6374 г. (II.6.4, с. 216–222) версия НПЛмл обнаруживает сложную композицию на основе известия хронографа с добавлением характерных выражений из ПВЛ, в частности, употребление термина “корабли” вместо “лодии”, неизвестного Хронике Амартола. В связи с анализом этих статей находится и обращение к сюжету о призвании варягов и атаке на Константинополь в Краткой палее (II.6.5, с. 223–227), попавшее туда достаточно поздно (XV в. ?), вероятно, из Полной палеи, на что указывает неумение ее составителя обращаться с историческим материалом, нарушающее логику событий. В то же время, отсутствие в НПЛмл отсылок к Житию Василия Нового не может свидетельствовать о древности этого свода.

Сюжет II.6.6, посвященный видению автором того, как составлены статьи 6360 и 6362 г. (с. 227–237) завершает практически кольцевую композицию главы расчетами лет правления *руських* князей, указываются расхождения с версией основного текста летописи, а также ошибки в расчетах. Если составитель ПВЛ конструировал историю на основе известных ему источников, в том числе “Летописца” патриарха Никифора, пытаясь подчеркнуть при этом значение *руських* событий, то составитель НПЛ восполнил скудость своих известий за счет ПВЛ, контаминируя их с заимствованиями из хронографических текстов.

В итоге Т. Л. Вилкул приходит к выводу, что в использовании полного перевода Хроники Амартола в ПВЛ вплоть до 1114 г. чувствуется единый замысел составителя, тогда как НПЛ демонстрирует сложную структуру хронографических заимствований, особенно в общих с ПВЛ статьях X–XI вв. Согласно ее мнению, эта часть НПЛмл сложилась в конце XIV – первой половине XV в. На это указывает предполагаемое время составления хронографических палей, по образцу которых книжник НПЛ моделируют общую структуру рассказа о древних временах. В это время в Новгороде вообще наблюдается интерес к хронографическим сочинениям.

Третья глава посвящена хронографическим источникам Киевского летописного свода начала XIII в. Развитие летописного текста в эту эпоху

шло не по пути сокращения Ипатьевского свода, что привело к появлению Лаврентьевской летописи, – мнение, устоявшееся в историографии, – а наоборот, за счет расширения киевским сводчиком лаврентьевского текста, который отражает первоначальное чтение.

Автор начинает с “расслоения” Киевского свода и анализа соотношения записей Лаврентьевской и Ипатьевской летописей за XII в. (Ш.1, с. 242–276). Принципиально важен вывод, что общие блоки обеих летописей принадлежат начальному тексту или протографу (с. 245), тогда как пространственные статьи являются очевидным результатом контаминации нескольких источников. При этом местоимения “наши” следует рассматривать как литературный топос, а не выражение отношения летописца к описываемым событиям. Анализируя общие известия обеих летописей, автор подвергает разбору текстуальные неувязки и смешение календарных стилей, как, например, в событиях 6622/1113–1114 гг., когда композиция Ипатьевского текста позволяет предположить, что в Переяславле княжили сразу два Владимировича – Святослав и Ярополк, хотя кончина Святослава должна быть определено отнесена к предыдущему году (с. 249–250). Из-за подобных наслоений летописной информации Всеволод Ольгович в Киевском своде дважды “вынужден” решать вопрос о посылке своего сына Святослава в Новгород в 6648/1144 гг.

Метод работы автора Киевского свода, который не всегда обращал пристальное внимание на обстоятельства и хронологию событий, демонстрируется на примере анализа целого ряда статей: 1149, 1151 (где составитель Ипатьевской летописи “превращает” день битвы Изяслава Мстиславича и Юрия Долгорукого – пяток – одновременно в сегодняшний и завтрашний день), 1154, 1175 (здесь Повесть об убиении Андрея Боголюбского в три раза превышает соответствующий текст Лаврентьевской летописи, а присущие Ипатьевскому своду хронологические дополнения, например, путаница двух праздничных “канунов” – празднования святых апостолов Петра и Павла и собора 12 апостолов, ей противоречит), 1181 (где сочетание двух ракурсов – суздальского и киевского – приводит к противоречию в характеристике князя Всеволода, которому одновременно присуще как “благосердие”, так и “умысл на зло”), 1193 гг. (редкий случай, когда текст Лаврентьевской летописи пространней, нежели в Ипатьевской, автор которой все же перепутал Богородичные церкви в Суздале и Владимире). Последний след использования общего источника встречается в 1196 г.

Всего Т. Л. Вилкул разбирает десять сюжетов, хотя и отмечает, что проблема соотношения двух сводов ими не исчерпывается. Если для известных 1110–1140-х годов более характерна компоновка уже готовых фрагментов, то начиная с 1140–1150-х годов в Киевском своде можно наблюдать значительную переработку текста и его дополнение новыми блоками. Видимо, общий протограф Лаврентьевской и Ипатьевской летописи был доведен до рубежа XII–XIII вв. Кроме того, в начале XIII в. летописец использовал также предшествующий киевский свод, дополняя его известиями в суздальско-владимирской редакции. Характерно, что киевский составитель добавляет в свое произведение не только книжные и библейские, но и светские детали.

Обращаясь к теме хронографических источников Киевского свода (Ш. 2) автор показывает, как его составитель расширял повествование за счет вставок и заимствований из Хронографической Александрии, Хроники Амартола, Иудейской войны Иосифа Флавия и Хроники Малалы. Вставки из Александрии (Ш.2.1, с. 277–288), как целые выражения, так и парафразы, встречаются в статьях с 1140-х по 1197 г. На наш взгляд, не все отмеченные заимствования выглядят одинаково убедительно. К таковым, в первую очередь, относятся наблюдения, базирующиеся только на предложных конструкциях, однако в контексте окружающих параллелей они могут оказаться верными.

Т. Л. Вилкул убедительно показывает, что схожие детали убийства князя Игоря в 1147 г. и князя Андрея Боголюбского в 1175 г. определенно носят литературный характер, восходят к сцене убийства царя Дария и не являются “зарисовками с натуры” владимирского происхождения (с. 279). Вместе с тем заметим, что уточнение Ипатьевской летописи, что в убийстве князя Андрея участвовали “два оканья” может быть непосредственно связано с нарративным сюжетом гибели правителя от рук двух убийц, уже известным в ПВЛ, как это видно на примере убийства Ярополка и Бориса “двумя варягами” (980, 1015 гг.). Это тем более вероятно, что в повесть об убийстве Игоря вплетены цитаты борисо-глебского цикла. С Александрией связан и панегирик Мстиславу Ростиславичу Смоленскому 1178 г., а также известия 1146, 1147, 1148, 1150 1161, 1169, 1180, 1197 гг., причем в последнем случае читается достаточно объемное заимствование из отрывка о “рахманах”, а использованные здесь слова молитвы могут иметь непосредственный источник цитирования, который автор имел перед глазами.

В сюжете о заимствованиях в своде Хроники Малалы и “Истории Иудейской войны” (Ш.2.2, с. 288–292) анализируются статьи 1113, 1151, 1175 и 1187 гг., где можно увидеть влияние Хроники, хотя, по собственному признанию Т. Л. Вилкула, замеченные параллели не очень выразительны. В трех случаях описания военных событий 1136, 1145 и 1156 гг. выражение “мнози падахоу от обоихъ” тоже могло восходить к Хронике, если сводчик в данном случае не воспользовался словоупотреблением ПВЛ под 1097 г.

Влияние “Истории Иудейской войны” Иосифа Флавия обнаруживается в меньшем количестве чтений, однако эти следы весьма характерны, а и иногда и уникальны, как, например, в статье 1140 г., когда князь Мстислав “оупорозьняся от рати”. В ряде погодных статей можно выделить микроцитаты (1147, 1174, 1183, 1185 гг.), а также сюжетные параллели и редкие мотивы (1151, 1168 г.). Исследовательница приходит к выводу, что Киевский свод – древнейший текст, где присутствуют цитаты из сочинения Иосифа Флавия. Оно не входило в общий протограф Иудейского и Софийского хронографов, а попало в первый из них в 1262 г. как инновация, будучи соединено с Хроникой Иоанна Малалы.

Далее рассматриваются 22 фрагмента заимствований из Хроники Амартола (Ш.2.3, с. 292–307), важные для определения природы источников, которым пользовался летописец. Здесь также известны редкие и уникальные чтения, и не без курьезов, например, под 1146 г., где в Хлебниковском и Погодинском списках стоит “1000 моужь бернистець” белозерской

дружины, тогда как в Ипатьевской летописи находим заведомо ошибочное чтение “бренидзец” вместо стоящего у Амартола “бронистец”. Влияние хроники прослеживается также в погодных статьях 1147, 1149, 1152, 1156, 1158, 1161, 1172, 1174, 1175, 1178, 1180, 1187, 1189 и 1197 гг., а в статьях 1136, 1148 и 1155 гг. можно встретить редкую лексику. По мнению автора, большая часть фрагментов может быть идентифицирована как происходящая из полного перевода, а не компилятивного хронографа.

Вместе с тем предложенные размышления не оставляют сомнений, что вопрос о механизме заимствований остается открытым. Так, появление в летописи сопоставимых с содержанием Хроники словосочетаний могло происходить и опосредовано в связи с тем, что в памяти летописца отложились ее детали и сюжетные находки. Описание убийств князей Игоря и Андрея, которое, как мы видели раньше, должно восходить к Александрии, не исключает “випадкових збігів” с Хроникой (с. 300–301). Точно также под 1156 г. влияние сюжета с епископом Адельфием на повесть о видении архиепископа Нифонта Новгородского признается лишь “вероятным” (с. 302), хотя его составляющие элементы должны быть признаны “бродячими”. Бродячие мотивы средневековой культуры можно увидеть и в сюжете 1168 г. о князе Ростиславе Мстиславиче и княжеской добродетели, где конкретных текстуальных параллелей, по нашему мнению, не наблюдается.

Стоило бы так же отметить, что большинство “заимствований”, связываемых в монографии с Хроникой Амартола, относятся к богословской антропологии и таким ее ключевыми понятиям как сердце, добродетель, правоверие, мужество, труд. Все они составляют топоры христианской риторики, должны были быть “на слуху” у средневекового книжника, и однозначно усматривать здесь заимствования из конкретного произведения было бы слишком смело.

Отдельно анализируются параллели из Хроники Амартола в суздальской летописи за XII в. как сравнительный материал к Киевскому своду (III.2.4, с. 307–310). Здесь еще не чувствуется влияния Александрии или “Иудейской войны”, а сами параллели встречаются гораздо реже (ср. статьи 1147 и 1151 гг.). В любом случае, авторский текст Киевского сводчика гораздо богаче. Интересно наблюдение о том, что общая для Лаврентьевской и Ипатьевской летописей сентенция про “измену новгородскую” под 1169 г. могла быть смоделирована по аналогии с Хроникой, где повествуется о обмане жителями Гаваона израильтян, что не совсем верно интерпретировано как “біблійний епізод, коли жителі Гаваона зламали дану Ісусу Навіну клятву” (Ис Нав. 9: 3–27; с. 309). Впрочем, текстуальное сходство кажется нам минимальным, хотя и возможным, а сюжетное сходство – незначительным. В действительности речь идет не о нарушении клятвы гаваонитами, которым якобы летописец уподобил новгородцев, а о страхе израильтян нарушить принесенную Господу клятву и мирный договор с жителями этого города, заключенный теми пусть и путем обмана. Таким образом, библейская ситуация диаметрально отличается от летописной. Впрочем, сама по себе древность этой записи оказывается важной для датировки “новгородских вольностей” и споров о них в древнерусском обществе. Возможно, что

первоначальный и несколько путанный текст Лаврентьевской летописи (признак заимствования? откуда?) был упрощен киевским сводчиком.

Раздел III.2.5 (с. 311–314) посвящен способу компоновки хронографических текстов в Киевском своде. Большинство из них помещено в описании тех событий и периодов, которые были интересны автору, что сближает его работу с работой сводчика ПВЛ. Похоже, что 1140-е годы были для него началом актуальной истории, а в период 1180–1190-х годов число хронографических включений уменьшается, потому что доля свидетельств современников становится несомненно. В целом Киевской свод включает набор источников Иудейского хронографа, протограф которого и мог возникнуть непосредственно вслед за ним. Т. Л. Вилкул показывает, что не только цитаты из “Истории Иудейской войны”, но и из иных сочинений взяты из их полных переводов. Александрия представлена более крупными и самыми выразительными заимствованиями, тогда как Иосиф Флавий и Амартол присутствуют в виде микроцитат, сюжетных совпадений и пересказов. Возможно, история Александра попала на глаза автору последней, что и определило ее влияние на стиль и форму повествования. Предложенные наблюдения ставят вопрос о литературности исторического повествования и стремлении к расширению кругозора летописца, реконструкции его реального и виртуального миров. Отмечается, что хронографические источники были использованы в тех фрагментах, которые исследователи традиционно относят к “зарисовкам с натуры” и связывают с “документами княжеской канцелярии”.

Четвертая глава посвящена датирующим признакам хронографов, в частности, реконструкции раннего этапа развития хронографической письменности. Трудности исследования в этой области связаны с поздним копированием сохранившихся списков. Здесь дается классификация ранней части компиляций, имеющих общее ядро “семьи ХВИ” в трех редакциях. Троицкий хронограф признается самым ранним во 2-й редакции. Ставится и проблема общего протографа ХВИ, причем не исключается и взаимовлияние разных компиляций вместо прямого происхождения текстов от единого ядра.

В разделе IV.1 анализируются различные редакции Хронографической Александрии. Автор отмечает, что исследователи до сих пор не обращали внимания на то, что Летописец Еллинский и Римский 2-й редакции содержит контаминированную версию повести. Он отражает не только текст Александрии, близкий к Троицкому хронографу, но и ее другую версию, присущую Летописцу 1-й редакции.

Далее идет конкретный разбор соотношения текстов трех редакций Александрии (IV.1.1, с. 321–349). Здесь выявлено более трех десятков разночтений. Если первая редакция, являющаяся дословным переводом с греческого, приводится по публикации В. М. Истрина, третья – по трудам О. В. Творогова, то выделенная автором 2-я редакция дается с опорой на собственную публикацию Александрии Троицкого хронографа¹⁰. Греческий

¹⁰ Вилкул Т. Л. Александрия Хронографическая в Троицком хронографе (книга 1-я). 1 // *Palaeoslavica*. – Cambridge, Massachusetts, 2008. – Т. 16, no 1. – P. 103–147;

Ее же. Александрия Хронографическая в Троицком Хронографе. Продолжение. 2 // *Palaeoslavica*. – Cambridge, Massachusetts, 2009. – Т. 17, no 1. – P. 165–210;

текст выполняет контрольную функцию и дается по изданию Л. Бергсона¹¹. Разбор конкретных примеров способен убедить в правильности выводов о том, что составитель третьей редакции был знаком с первыми двумя.

Весьма показательны здесь ошибочные чтения древнерусского текста. Контаминации встречаются и в повести о вхождении Александра в Иерусалим. Если вставки из Хроники Амартола в текст 1-й редакции дословно передают греческий оригинал, то в Троицком хронографе предлагается их творческая переработка. Стоит предположить, что составитель этого хронографа старается сnivelировать оплошности, вызванные непониманием греческого текста в 1-й редакции, путем авторских дополнений и исправлений, тогда как в 3-й редакции можно наблюдать соединение первого и второго чтения. Так, олимпийский венец Александра именуется то “алумпийский” (1-я редакция), то “пилусийский” (вариант Троицкого хронографа), причем оба предиката парадоксальным образом присутствуют в Летописце Еллинском и Римском 2-й редакции (с. 325). Однако в ряде случаев есть более сложные способы соединения двух первых редакций автором третьей, где он разбивает цитаты предшественников на части и переплетает их между собой. Все это подчеркивает активную рецепторскую роль переписчиков нескольких версий Александрии. Особенности творчества сводчиков объясняются наличием источников и их персональным интересом. Так, если автор Троицкого хронографа старательно описывал сражения, а походы в дальние страны его не волновали, то автор Летописца был зачарован рассказами о дальних странах, пытаясь насытить их редакторскими подробностями.

Следующий раздел посвящен характерным чтениям Александрии Иудейского хронографа (IV.1.2, с. 349–354). Здесь предлагается оценить особенность работы и эрудицию книжника через характер воспроизведения им имен собственных и географических названий. В целом в существующих ошибках могла проявляться авторская личность, хотя часть из них – результат элементарной гаплогрфии и “местечкового уровня книжности”. Впрочем, есть и дискуссионные наблюдения. Так, исследовательница замечает, что книжник именуется Трояду “Траадою”, “явно не отождествляя її з Троєю” (с. 351). Наверное, он и не должен был их отождествлять, поскольку по контексту речь шла не об области, в которой действительно расположена древняя Троя, а, скорее, о городе, упоминаемом в Деяниях Апостолов. Эта евангельская книга не оказала большого влияния на древнерусскую письменность, но, возможно, книжник специально хотел подчеркнуть увиденную им разницу.

В книге отмечается, что версия Летописца Еллинского и Римского 1-й редакции сохраняет много первоначальных чтений (IV.1.3, с. 354–355). Далее анализируется специфика текста Александрии Троицкого хронографа (IV.1.4, с. 355–361). Исправления и дополнения этой редакции представлены

Ее же. Александрия Хронографическая в Троицком Хронографе (книга 2-я). 3 // *Palaeoslavica*. – Cambridge, Massachusetts, 2010. – Т. 18, no 2. – P. 155–206; *Ее же.* Александрия Хронографическая в Троицком Хронографе (книга 3-я). 4 //

Palaeoslavica. – Cambridge, Massachusetts, 2011. – Т. 19, no 2. – С. 149–200.

¹¹ *Bergson L.* Der griechische Alexanderroman. Rezension β. – Goteborg; Uppsala, 1965.

цельми фразами и фрагментами. В разделе главное внимание вновь обращено на географические названия и имена. Очевидно, древний сводчик стремился к конкретизации обстоятельств и идентификации явления, хотя иногда не до конца понимал смысл текста. Приводится пространственный список таких ошибок. Однако, в ряде случаев, как кажется, его объяснительные ремарки могут иметь иной смысл. Так, выражение “въ адоуть градъ”, где *адоутов* значит просто “священное место”, но отнюдь не название города, может отражать аксиологическую иерархию книжника, где высокое значение места должно сопровождаться его городским статусом, ценность которого известна из Начальной летописи. Очевидно, сводчик не владел греческим языком, но имел представление о нем. Интерес же к содержанию порождал творческую переработку текста, а не копирование, как это имело место у авторов Иудейского хронографа и Летописца Еллинского и Римского 1-й редакции, строго придерживавшихся текста. Можно было бы добавить к исследовательским наблюдениям, что в этом феномене возможно увидеть стремление средневекового книжника к толкованию текста как герменевтического объекта, а не к его пониманию.

Исследуется и вопрос об использовании в Троицкой Александрии дополнительных источников (IV.1.5, с. 361–372). К ним относятся Слова Епифания Кипрского и Ипполита Римского, Откровение Мефодия Патарского и Хроника Амартола, а также Пролог. Заимствования их них зачастую служат для придания повествованию тех или иных оттенков. Так, слово “философские” по отношению к грамотам Александра на основании Александрии Египетской, которое могло быть заимствовано из Пролога, усваивает всему пассажи “серьезный непрофанный смысл”.

Подводя итог, Т. Л. Вилкул, вслед за В. М. Истриным, полагает, что 1-я редакция оказывается наиболее близкой изначальному славянскому переводу сочинения Псевдо-Каллисфена, 2-я редакция, представленная в Троицком хронографе, содержит многочисленные дополнения и изменения на основе авторских уточнений и новых источников, а 3-я редакция, представленная Летописцем Еллинским и Римским 2-й редакции, характеризуется наличием контаминированных чтений, а в конечной части особенно богата дополнениями.

Раздел IV.2 (с. 372–387) посвящен текстологическим маркерам версий Хроники Амартола на примере повести о вхождении Александра Македонского в Иерусалим, находящейся в Хронографической Александрии. Этот обширный текст, присутствующий во всех редакциях, может рассматриваться как “полигон” для экспериментальной проверки и коррекции хронологии текста. По наблюдениям исследовательницы, количество общих вторичных чтений в Александрии и Хронике Амартола в ее Хронографической компиляции гораздо меньше, чем полагал В. М. Истрин. Их список вряд ли может свидетельствовать о раннем появлении 2-й редакции полной версии Хроники, а Повесть о вхождении в Иерусалим в Иудейском и Троицком хронографах оказывается текстуально близкой к первоначальному переводу Хроники. Позднее была произведена сверка этой Повести в составе Александрии с полным текстом Хроники. Однако это не могло

случиться раньше второй половины XIII в., когда был создан Иудейский хронограф, и позднее начала XV в. – времени появления протографа Архивского и Варшавского списков этого хронографа.

Раздел IV.3 посвящен комментариям Никиты Ираклийского к “Словам” Григория Богослова в ранних хронографических компиляциях. Эти толкования автора второй половины XI в. уже определены были известны на Руси в XIII в. и присутствуют в начальной части Иудейского хронографа, а также в Летописце Еллинском и Римском обеих редакций. Древнерусского книжника заинтересовало содержащее здесь объяснение эллинизма как политеизма, которое он дополнил сведениями Хроники Иоанна Малалы.

Анализируя творения Никиты в Иудейском хронографе (IV.3.1, с. 389–395), исследовательница отмечает, что введение этого сборника составлено не только из фрагментов “16 слов” Григория Богослова с комментариями Никиты, Хроник Амартала и Малалы и библейской книги Бытия, но включает еще и легенду о Совии – мифологическом персонаже с возможными литовскими мотивами, которая имеет значение хронологического репера. На основе текста Виленского списка продемонстрирован творческий подход составителя, свободно оперирующего своими источниками и использовавшего лишь начало и конец выбранного известия, komponуя сведения Иоанна Малалы с “толком” Никиты.

Далее рассматриваются вставки из произведения Никиты Ираклийского в вводной части Летописца Еллинского и Римского 1-й и 2-й редакций (IV.3.2, с. 395–401). Здесь, кроме традиционных источников, выявлено непосредственное использование Палеи и Прибавления к Палее. Сравнение композиции вступлений Иудейского хронографа с начальными частями Летописцев похожи, но не идентичны, не совпадает и последовательность сюжетов, к тому же автор хронографа в большей степени придерживался текста Никиты. Соответственно, эти части не могут восходить к общему протографу. Одновременно это указывает на достаточно поздний характер как перевода толка Никиты и связанных с ним компиляций, так и палейных сборников, укладываемый в промежуток от начала XII до второй половины XIII в.

Следующий большой раздел (IV.4) посвящен использованию Восьмикнижия в хронографах и летописях, где анализ ограничивается книгами Исхода и Иисуса Навина, тогда как использование книги Бытия в древнерусской письменности, по мнению исследовательницы, уже становилось предметом исчерпывающего анализа¹², что оставляет мало места для самостоятельных выводов. Здесь автор единственный раз на страницах книги говорит о присутствующей средневековой “открытой традиции” цитирования. В этом моменте Восьмикнижие, как пример “закрытой традиции”, текстология которой позволяет установить редакции и группы и даже датировку версий, противостоит использованию мест из библейских пророков. Все же, по нашему мнению, несмотря на убедительность приведенных в книге доказательств

¹² Михайлов А. В. Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. – Варшава, 1900–1908. – Вып. 1–4; *Его же*.

Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. – Варшава, 1912. – Ч. 1: Паримейный текст.

конкретных заимствований и влияний, более пристальное внимание к “открытой традиции” могло бы внести нужные ограничения в существующие гипотезы, хотя, без сомнения, сделало бы итоговые выводы несколько “размытыми”. Такова, впрочем, природа средневековой книжности.

Анализ книги Исход посвящен различению в текстах редакций полного и четьего переводов (IV.4.1, с. 404–418). Здесь же дана история изучения четьего текста и классификация его редакций, к числу которых принадлежит и выделенная усилиями Т. Л. Вилкул “Хронографическая” редакция, известная в трех списках Иудейского хронографа и двух списках Пятикнижия из собрания Троице-Сергиевой лавры конца XIV – начала XV в. и XVI в. Отмечается, что здесь прослеживается серия изначальных чтений, которые в других ветвях были заменены богослужебными текстами, а также глосс, составленных на основе небиблейских источников в Иудейском хронографе, который в ряде случаев сохранил правильные чтения, например “пръсть бжии” (Исх. 8: 19), тогда как в других списках можно прочесть “пръсть бжия” или даже “пръстьныи бгъ” (с. 409).

Очевидно, западнорусский составитель хронографа использовал древнюю и консервативную версию. В Троицких рукописях меньше архаики, хотя также сохраняются ранние чтения. “Южнославянскую” редакцию стоит датировать временем не ранее XIII в., здесь отмечается наличие заимствований из Исторической палеи, что свидетельствует в пользу позднего происхождения этой редакции. “Русская” редакция обличает включения из позднего паремийника Афонского типа (XIII–XIV вв.) и подразделяется на три группы: раннюю, позднюю и позднюю, дополненную глоссами.

Раздел IV.4.2 (с. 418–429) посвящен выявлению и анализу заимствований книги Исход в ПВЛ, наибольшее количество которых присутствует в “Речи Философа” 986 г. Летописец пересказывает Библию своими словами, комбинируя четьи и богослужебные тексты, однако в ряде случаев зафиксированы ранние четьи чтения. Присутствуют здесь и дополнения по хронографическим или небиблейским источникам, как, например, имя дочери фараона в истории Моисея. Делается вывод, что во время составления ПВЛ известных нам сегодня редакций Восьмикнижия еще не существовало.

Раздел IV.4.3 посвящен книге Иисуса Навина в составе Восьмикнижия (с. 429–438). Здесь выделяются те же три редакции, что известны для книг Бытие и Исход, и указывает на их текстологические различия. “Хронографическая” редакция характеризуется лексическими заменами и начальными вариантами, в “южнославянскую” введены богослужебные чтения и чтения Исторической палеи, а вторичные чтения особенно заметны в батальных сценах, “русской” редакции, в том числе, памятникам ее поздней группы, присущ ряд начальных чтений, сохранившихся только здесь. По мнению исследовательницы, составитель протографа не был способен к творческим переработкам текста, или, добавим, слишком бережно к нему относился.

Знакомство с древнерусским текстом Восьмикнижия показывает, что чтения Паремийника не должны влиять на анализ четьих чтений, какими бы архаичными они не выглядели. Впрочем, книга Иисуса Навина практически не имеет паремийных чтений. В тоже время в труде летописца прослеживаются

разнофункциональные типы текста. Возможно, он осознавал, что создает новый текст, который мы бы сегодня назвали контаминированным. Здесь же отмечается, что чтения Восемикнижия в ПВЛ, где они цитировались автором по памяти, иногда сближаются с “Хронографической” редакцией, хотя нужно отдавать отчет в том, что в этих случаях речь идет о первоначальных вариантах, т. е. такие сближения не являются показательными.

Послесловие (с. 439–447) в этой книге – не просто традиционное подведение итогов, но еще раз предложенное старательное объяснение пройденного для его закрепления в ученом сознании. “Розріджені докази” взаимоотношений древнерусского летописания и хронописания, “разбавленные” временными разрывами между списками, близостью редакций и редкими датирующими признаками, не должны скрыть от нас главного: в НПЛмл можно установить крайне незначительное количество заимствований из хронографа (852, 920 гг.). В одном случае (1065 г.) их анализ не отрицает влияния ХВИ, но и не подтверждает однозначно такую гипотезу. В ПВЛ заимствование из хронографа не прослеживается, в текстах же хронографических палей чувствуется рука справщика, работавшего с летописью, и, соответственно, доказуемо обратное влияние летописи на хронограф, датируемое временем не ранее XII в. Нововыявленные заимствования 945–1074 гг. из Хроники Амартола в летописях вообще свидетельствуют об использовании здесь полного перевода, а не компиляций. Следовательно, автор НПЛмл использует не только хронограф, но и полный перевод Хроники, тогда как автор ПВЛ привлекает для составления летописи исключительно Хронику. То же можно сказать и о заимствованиях в ПВЛ из полного перевода Хроники Иоанна Малалы, способ подачи известий которой не встречается ни в одном хронографе. К тому же определенно ПВЛ влияет на НПЛ. Внутреннее текстологическое единство некоторых статей Ипатьевской группы списков (1111–1114 гг.) с Лаврентьевским сводом и НПЛ (введение, 986, 1065 гг.) противоречит идее “трех редакций ПВЛ”, вместо которой стоит признать существование одной редакции, созданной вскоре после 1114 г. Как не знаком с Хронографом по великому изложению составитель ПВЛ, так не знает его и автор Киевского свода. Следы хронографа прослеживаются лишь в Галицко-Волынской летописи. Самый ранний Хронограф – Троицкий не может быть старше XII–XIII вв. Он не мог влиять на ПВЛ. Заимствования из хронографа в НПЛ появляются не ранее XIV–XV вв., когда и возникает ее текст, что заставляет отказаться от версии об отражении в нем Начального свода 1090-х годов. Киевский свод тоже не знал хронографа, но лишь полные хроники. При этом переводная хронография влияла не только на текст, но и на формирование репертуара, идей и языка летописи. Она и стала тем “вторым свидетелем”, который, помимо общих текстов НВЛ и НПЛ, а также Ипатьевской и Лаврентьевской группы позволил предложить решение вопроса о хронологии сложения древнерусского летописания и хронографической письменности. Начальная летопись не знала хронографа, потому что он сложился не ранее XII–XIII в., как показывают самые поздние компоненты в составе компиляций. При этом нет возможности говорить о едином центре происхождения хронографической

письменности. Все эти выводы ученому сообществу придется осмыслить, а на вызовы – профессионально ответить.

За солидным списком литературы и источников (с. 448–479) следуют приложения к книге (с. 480–515), которые содержат большие фрагменты текстов, важных для демонстрации доказательной логики. Это сравнительные таблицы известий Хроники Амартола 1111 г. и Ипатьевской летописи, статья 6632 г. НПЛмл и ПВЛ, чтения разных групп текста Повести о вхождении Александра Македонского в Иерусалим с комментариями, список разночтений Хроники Амартола Троицкой редакции с другими списками в тексте Повести о вхождении Александра Македонского в Иерусалим, комментарии Никиты Иракийского из Иудейского хронографа, чтения полной четвгьей редакции книги Исход (сравнение с выявленными лексическими заменами, начальные чтения ее “Хронографической” редакции Иудейского хронографа, ошибки и начальные чтения Троицкой группы рукописей, начальные чтения “южнославянской” и “русской” редакции, а также зафиксированные здесь ошибочные чтения) и разночтения книги Иисуса Навина, представленные по образцу предыдущего раздела.

В итоге перед нами – скрупулезная авторская работа по сличению обширнейших произведений, призванная переключить внимание исследователей летописи со сферы гипотетических текстов¹³ в область текстовых фактов, от содержательного нарратива к антропологическому содержанию. Здесь для автора само слово и словоупотребление превращается в исторический факт. Собственно, обещанная в начале книги критика метода А. А. Шахматова оказалась не позитивистской, а позитивной: в ее основе лежит не разбор положений предшественника, а самостоятельный текстологический труд, не оставляющий у читателя сомнений в том, где предшественник был прав, а где ошибался. В результате становится понятным, что шахматовский подход страдает от недостаточного уровня изученности хронографических источников летописи и отсутствия независимых текстуальных критериев для датировки самой летописи. В книге впечатляет обширная “доказательная база”, представленная сведенными в таблицы и списки вариантами разночтений и выявленных заимствований, которая открыта

¹³ Ср. название одного из последних обобщающих трудов по летописеведению в России: *Гиптиус А. А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // *Русь в IX–X веках: археологическая панорама.* Н. А. Макаров (отв. ред.). – Москва; Вологда, 2012. – С. 37–62. Здесь четко сформулирован протест против недоверия к возможностям верифицируемой реконструкции начального летописания, а в качестве перспективных направлений выделены реконструкция архетипа ПВЛ и его “критического текста” и “реконструкция

истории” сложения текста Начальной летописи, а основным остается “стратификационное”, позволяющее выделить несколько стадий редактирования и распространения исходного гипотетического Древнейшего Киевского свода 1030-х годов. Ключевым положением остается отражение предшествовавшего ПВЛ гипотетического Начального свода 1090-х годов в НПЛмл. Все это выглядит сколь традиционно, столь и архаично. Выявление внелетописных письменных источников летописи указано здесь лишь как одна из многих возможностей, отнюдь не главная.

читателю и критику для продолжения дискуссии. Автор готов обсуждать свои находки и открытия в полном соответствии с максимой М. Блока: “Ценность утверждения надо измерять готовностью автора покорно ждать опровержения”¹⁴. Эта готовность к продолжению диалога с оппонентами свидетельствует о высоком академическом уровне исследования.

Возможно, не все выявленные автором параллели и заимствования покажутся читателям и критикам одинаково убедительными. Так, сравнение предложных конструкций или выражений, текстуальные сходства которых ограничиваются однокоренными глаголами и другими частями речи, которые банально принадлежат к единой языковой культуре, некоторым могут показаться недостаточными. Автор, как кажется, вполне отдает себе отчет в этих сложностях, признавая, “що ми досі у повній мірі не уявляємо собі коло читання ранніх літописців, не кажучи вже про те, що не існує тезауруса давньослов'янської” (с. 123). Однако приведенные в систему “парафразы” и “микрзаимствования” создают в целом достоверную картину взаимосвязей средневековых текстов.

Возможно, сторонники древности Новгородской летописи еще поспорят с выводами книги о времени сложения свода. Напомним, что, согласно автору, “контамінація текстів зразка XVI та XVII показує доволі пізні походження цього новгородського зводу” (с. 239). Однако даже принимая во внимание идейно-текстологическое единство XVII, складывающееся не ранее 1114 г., допустимо предположить, что особенности НПЛ формируются не обязательно в XIV–XV в., а могут быть одновременны появлению ядра хронографической письменности во второй половине XII – первой половине XIII в. и нашли отражение в составленных именно в это время владычных и монастырских летописных новгородских сводах. Возможно, разрешению этого вопроса послужит дальнейшее совместное изучение текстов Палеи и НПЛ.

Высокий академический уровень монографии не способны поколебать немногочисленные, хотя досадные оплошности. Приведем лишь один пример. Так, фраза “...се цълъ еси . ктомуу не сьгрѣшаи”, вложенная летописцем в уста киевского князя Всеволода Ольговича под 6652/1144 г., справедливо идентифицирована как евангельская цитата (Ин. 5: 14., ср. с. 240, прим. 2), но отнесена почему-то к событиям “воскресіння триденного Лазаря”. На самом деле эти слова связаны с историей исцеления расслабленного у Овчей купели, к тому же Лазарь в христианской традиции не “триденный”, а “четверодневный”, поскольку пребыл во гробе четыре дня (Ин. 11: 39). Но такие оплошности с избытком компенсируются не только методическими прорывами работы, но и грамотным опровержением распространенных историографических заблуждений. Так, фраза статьи 6604/1096 г. “преж сих 4 лѣт” оказывается отнюдь не хронологическим указателем, связывающим события 1114 и 1118 гг., описанные в Ипатьевской летописи (с. 135), а заимствованием в Начальную летопись из Хроники Амартола, будучи прелюдией к введению в текст фрагмента из Откровения Мефодия Патарского.

¹⁴ Блок М. Апология истории. – Москва, 2003. – С. 52.

Однако эсхатологический характер всего летописного пассажа не исключает возможности иной хронологической конструкции, ретроспективной, указывающей на 6600/1092 г., который был одним из череды столетних юбилеев, приближавших конец света в 7000-й год от сотворения мира, иначе в 1492 г.¹⁵ Именно страхи этих лет и могли заставить летописца, моделирующего современность по книжному образцу, вспомнить о фантастичном рассказе Гюряты Роговича. В этой связи сопоставление названия Начальной летописи “Повесть временных лет” с эсхатологическим по характеру упоминанием о “временах и летах” Деяний Апостолов (Деян. 1: 7) не просто весьма вероятно, а почти обязательно¹⁶, хотя автор и справедливо считает, что в целом книга Деяний не столь уж близкий летописи текст (с. 176). В тоже время наблюдения автора над ошибками сводчиков и книжников опровергают расхожие представления о средневековой Восточной Европе как обществе “поголовной богословской грамотности”. Не все его члены, даже причастные к книжной культуре, правильно понимали читаемое и переписываемое.

Рецензируемая книга – серьезная заявка историко-филологического направления Киевской школы восточно-европейской истории, которая сегодня безусловно складывается¹⁷. Т. Л. Вилкул является одним из ее продуктивных представителей. Авторитет этой школы во многом зависит от рецепции ученым сообществом рецензируемой монографии, основные положения которой, безусловно, аргументированы и убедительны. Тот, кто захочет восстановить позиции “гипотез Шахматова”, должен будет шаг за шагом повторить проделанный автором путь, что будет нелегко. Главная удача и сильная сторона авторского подхода состоит в последовательном выявлении хронографических заимствований и реминисценций в летописи, которые свидетельствуют о системности их проникновения в летописные своды. Именно на этой основе независимого текстуального “свидетеля” оказалось возможным построить непротиворечивую относительную и уточнить абсолютную хронологию летописных сводов и хронографов. Демонстрируя первостепенное значение выявления внелетописных письменных источников для истории древнерусского летописания, рецензируемая работа решает целый ряд проблем древнерусской книжности, которые обладают более чем столетней историей и восходят к трудам А. А. Шахматова, В. М. Истрина и А. В. Михайлова.

Институт истории материальной культуры РАН

¹⁵ Об этом феномене см.: *Гиттиус А. А.* 6700 год от сотворения мира. Отмечались ли юбилеи в Древней Руси? // *Родина. Древняя Русь. IX–XIII вв.* – Москва, 2002. – № 11–12. – С. 102–106.

¹⁶ *Гиттиус А. А.* “Повесть временных

лет”: о возможном происхождении и значении названия // *Из истории русской культуры.* – Москва, 2000. – Т. 1: Древняя Русь. – С. 448–460.

¹⁷ См.: *Толочко А. П.* *Очерки начальной Руси.* – Киев; Санкт-Петербург, 2015.